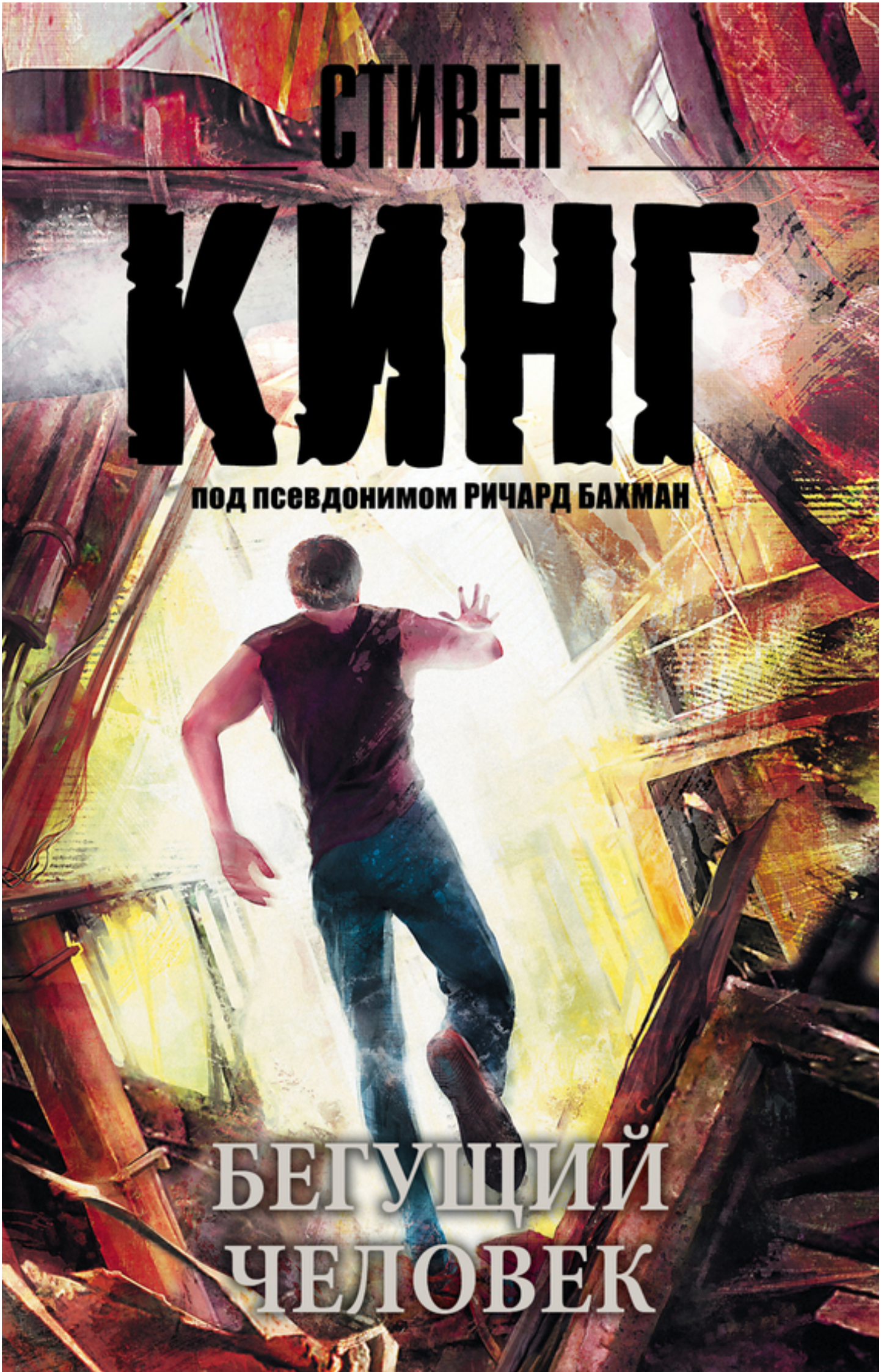
СТИВЕН

КИНГ

под псевдонимом РИЧАРД БАХМАН



БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Стивен Кинг

Бегущий человек

«АСТ»

1982

Кинг С.

Бегущий человек / С. Кинг — «АСТ», 1982

ISBN 978-5-17-011532-7

В обычном маленьком городке живет обычный человек, медленно, но верно погружающийся в пучину черной ненависти к себе и окружающим. Нужен всего лишь повод, чтобы ненависть выплеснулась на волю потоком хлещущей крови. И когда повод находится, обычного человека, ставшего убийцей, уже не остановить… Америка превратилась в ад. Люди умирают от голода, и единственный способ заработать – принять участие в самой чудовищной из игр, порожденной извращенным разумом садиста, в шоу современных гладиаторов, где слабые просто не доживают до финала…

ISBN 978-5-17-011532-7

© Кинг С., 1982
© АСТ, 1982

Содержание

…Минус 100, отсчет идет… 5
…Минус 099, отсчет идет… 7
…Минус 098, отсчет идет… 9
…Минус 097, отсчет идет… 11
…Минус 096, отсчет идет… 12
…Минус 095, отсчет идет… 13
…Минус 094, отсчет идет… 16
…Минус 093, отсчет идет… 17
…Минус 092, отсчет идет… 18
…Минус 091, отсчет идет… 21
…Минус 090, отсчет идет… 23
…Минус 089, отсчет идет… 25
…Минус 088, отсчет идет… 27
…Минус 087, отсчет идет… 29
…Минус 086, отсчет идет… 32
…Минус 085, отсчет идет… 33
…Минус 084, отсчет идет… 34
…Минус 083, отсчет идет… 35
…Минус 082, отсчет идет… 36
…Минус 081, отсчет идет… 39
..Минус 080, отсчет идет… 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Стивен Кинг
Бегущий человек

…Минус 100, отсчет идет…

В белом свете, падающем из окна, она всмотрелась в градусник. За ее спиной, под моросящим дождем, другие дома Ко-Оп-Сити высились словно серые тюремные башни. Ниже, в узком колодце между стенами, качались на ветру веревки с выстиранными обносками. В кучах мусора рылись крысы, не обращая внимания на разожравшихся дворовых котов.

Она взглянула на мужа. Тот сидел за столом, вперившись в экран фри-ви. Теперь он не отрывался от экрана неделями. Что-то в нем изменилось. Раньше-то он не жаловал фри-ви, просто ненавидел. Разумеется, в каждой квартире Развития стоял фри-ви, так требовал закон, но его не запрещалось выключать. Законопроект об обязательных благах 2021 года провалился, недобрав шести голосов до необходимых двух третей. И прежде они никогда не смотрели фри-ви. А вот после того как Кэти заболела, он увлекся викторинами и играми, сулившими победителям крупные выигрыши. Ее это пугало.

Вопли комментатора, выкрикивающего в перерыве последние новости, перемежались хриплыми стонами Кэти.

– Она совсем плоха? – спросил Ричард.

– Да нет, не очень.

– Не ври!

– У нее сто четыре[1].

Его кулаки с силой опустились на стол. Пластмассовая тарелка подскочила и полетела на пол.

– Мы вызовем врача. Не надо так волноваться. Послушай… – затараторила она, чтобы отвлечь его, но он уже повернулся и вновь уставился на экран. Перерыв закончился, игра продолжилась. Не из крупных, разумеется, дешевое дневное шоу под названием «Денежное колесо». В участники брали только хроников, с больными сердцем, печенью, легкими, иной раз калек – для смеха. За каждую минуту, которую игрок продержался на вращающемся в нескольких плоскостях колесе (поддерживая непрерывный диалог с ведущим), он получал десять долларов. Раз в две минуты ведущий задавал Премиальный вопрос, имеющий непосредственное отношение к профессии игрока (в данный момент на колесе крутился историк из Хакенсака с шумом в сердце). Ответ приносил пятьдесят долларов. Если же игрок с идущей кругом головой, задыхающийся, с сердцем, выделывающим в груди немыслимые кульбиты, пропускал вопрос, пятьдесят долларов вычитались из его выигрыша, а скорость вращения возрастала.

– Мы выкрутимся, Бен. Выкрутимся. Точно. Я… я…

– Что ты? – Он мрачно глянул на нее. – Пойдешь на панель? Хватит, Шейла. Ей нужен настоящий врач, а не местная бабка с грязными руками, от которой разит виски. И современное медицинское оборудование. И у нее все будет!

Он пересек комнату, косясь на экран фри-ви, висевшего над раковиной. Сдернул с крюка дешевую куртку из грубой джинсы, раздраженно, резкими движениями натянул на себя.

– Нет! Нет, я… тебе не разрешаю. Ты не пойдешь…

– Почему нет? В худшем случае ты получишь несколько старобаксов как мать-одиночка. Так или иначе, ты сможешь за ней приглядеть.

---

[1] По принятой в Америке шкале Фаренгейта, что соответствует 40 градусам по Цельсию. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Она никогда не ходила в красавицах, а за те несколько лет, что муж не работал, совсем усохла, но тут как по мановению волшебной палочки превратилась в красивую… и властную женщину.

– Я скорее навру чиновнику, когда он придет сюда, и пошлю его прочь с кровавыми деньгами в кармане. И никому не заставить меня взять деньги за мужа.

Он повернулся к ней, мрачный, суровый, обладающий особыми качествами, отличающими его от общей массы, невидимыми для окружающих, но хладнокровно просчитанными Сетью. Для настоящего он – динозавр. Не очень большой, но не такой, как все. Выделяющиеся – помеха. Может, даже опасность. Большие облака собираются вокруг маленьких частичек-конденсаторов.

Он указал на спальню.

– Как насчет того, чтобы зарыть ее в безымянной могиле? Тебя это устроит?

Волна печали и безысходности захлестнула ее. Лицо сморщилось, потекли слезы.

– Бен, именно этого они и хотят от таких, как мы, как ты…

– Может, они меня не возьмут. – Он открыл дверь. – Может, такие, как я, им и не подходят.

– Если ты сейчас уйдешь, они тебя убьют. А я буду на это смотреть. Ты хочешь, чтобы я смотрела, пока она будет лежать в соседней комнате? – Слова едва прорывались сквозь всхлипывания.

– Я хочу, чтобы она жила. – Он попытался закрыть дверь, но Шейла успела всунуться в щель.

– Тогда поцелуй меня, прежде чем уйдешь.

Он поцеловал. Открылась соседняя дверь, из нее высунулась миссис Дженнер. Пахнуло копченым мясом и тушеной капустой, давно забытый, дразнящий, сводящий с ума аромат. Миссис Дженнер жилось неплохо. Работала она в местном пункте продажи дешевых наркотиков и практически безошибочно вылавливала поддельные кредитные карточки.

– Ты возьмешь деньги? – спросил Ричард. – Не выкинешь какой-нибудь фортель?

– Возьму, – прошептала она. – Ты знаешь, что возьму.

Он неловко обнял жену, повернулся и сбежал по крутой, плохо освещенной лестнице.

Шейла стояла в коридоре, содрогаясь от беззвучных рыданий, пока не услышала, как пятью этажами ниже хлопнула входная дверь, только тогда закрыла лицо фартуком. В руке она все еще сжимала градусник, которым мерила ребенку температуру.

Миссис Дженнер тихонько подкралась к ней, цапанула за фартук.

– Дорогая, – прошептала она, – могу достать на черном рынке пенициллин, когда ты получишь деньги… дешево… и качество хорошее…

– Отвали! – гаркнула на нее Шейла.

Миссис Дженнер отпрянула, ее верхняя губа инстинктивно вздернулась, открыв почерневшие огрызки зубов.

– Я только хотела помочь. – И засеменила в свою квартиру.

Из-за тонкой стены доносились стоны Кэти. Ревел фри-ви миссис Дженнер. Игрок «Денежного колеса» пропустил Премиальный вопрос, и у него тотчас же случился инфаркт. Его унесли на носилках под аплодисменты зрителей.

Миссис Дженнер вписала Шейлу Ричардс в свою записную книжку. Ее верхняя губа ритмично поднималась и опускалась.

– Мы еще посмотрим. Мы еще посмотрим, сладенькая ты моя.

Она резко, со злобой, захлопнула записную книжку и уселась поудобнее, чтобы посмотреть следующую игру.

…Минус 099, отсчет идет…

К тому времени когда Ричардс выскочил на улицу, дождь усилился. На рекламном щите «Накуришься доукс – нашутишься вдоволь» большой термометр высветил цифру 51[2]. *(Самое время раскурить доукс – взлететь на седьмое небо!)* Значит, в квартире шестьдесят[3]. А у Кэти грипп.

По растрескавшемуся асфальту мостовой не торопясь, трусцой, пробежала крыса. На другой стороне улицы ржавел остов «хамбера» модели 2013 года. От него остались рожки да ножки, унесли даже ступицы, но копы так и не удосужились вывезти его. Впрочем, к югу от Канала копы заглядывали теперь редко. Жилые дома Ко-Опа возвышались среди пустынных автостоянок, заброшенных магазинов, городских центров и заасфальтированных детских площадок. Правили здесь банды мотоциклистов, а сюжеты в «Новостях» о подвигах неустрашимой полиции Южного города не имели никакого отношения к действительности. Молчаливые улицы вселяли страх. Выходя из дому, следовало или воспользоваться услугами пневмоавтобуса, или держать наготове баллончик с газом.

Шагал он быстро, не оглядываясь, не думая. В воздухе стоял удушающий запах серы. Четыре мотоцикла пронеслись мимо, кто-то бросил в него кусок асфальта. Ричардс без труда увернулся. Один за другим мимо проехали два пневмоавтобуса, обдав его воздушной струей, но он их не останавливал. Двадцать долларов (старобаксы) недельного пособия по безработице они уже потратили. Не осталось денег даже на проезд. Он полагал, что байкеры с первого взгляда поняли, что взять с него нечего. Поэтому и проскочили мимо.

Высотные дома, блоки Развития, металлические заборы, автостоянки с ржавеющими останками разобранных на запчасти брошенных машин, непристойностями, начертанными на асфальте мелом и теперь расплывающимися под дождем. Разбитые окна, крысы, мокрые от воды мешки с мусором на тротуарах и в ливневых канавах. Черные надписи на серых стенах: ХОНКИ[4], НЕ ДАЙ СЕБЯ КИНУТЬ. В ДОМАХ КУРЯТ ДОУКС. У ТВОЕЙ МАМАШИ СВЕРБИТ. СОСИ БАНАН. ТОММИ – ПУШЕР. ГИТЛЕР – ИЗ КРУТЫХ. МЭРИ. СИД. БЕЙ КАЙКОВ[5]. Натриевые лампы, освещавшие улицы в семидесятых годах, давно пали жертвами камней. Городские службы заменять их не собирались: они выполняли лишь те работы, которые оплачивались новобаксами. И за пределы центра носа не казали. В центре за каждый чих платили звонкой монетой. Тишину нарушало лишь шипение пневмоавтобусов да эхо шагов Ричардса. Это поле боя оживало лишь к вечеру. А днем в серой тишине двигались лишь крысы и коты. Да белые черви копошились в помойках. И пахло в этом славном 2025 году только смрадом разложения. Кабели фри-ви тянулись глубоко под землей, и только у психа или революционера могло возникнуть желание оборвать их. Фри-ви – пища для грез, радость жизни. «Скэг» стоил двенадцать старобаксов за пакетик, «фриско-пуш» – двадцать за таблетку, а фри-ви оболванивал за так. На другой стороне Канала фабрика исполнения желаний не останавливалась двадцать четыре часа в сутки… но подпитывали ее новобаксы, а они лишь у тех, кто работал. Четыре миллиона остальных, по большей части безработных, жили к югу от Канала, в Ко-Оп-Сити.

Ричардс прошагал три мили, и редкие винные и табачные магазины, поначалу забранные тяжелыми стальными решетками, встречались уже все чаще и чаще. Появились «Заведения для взрослых *(!!24 извращения – посчитайте, ровно 24!!)»,* ломбарды, пункты сдачи крови.

---

[2] чуть больше 10 градусов по Цельсию.

[3] около 16 градусов по Цельсию.

[4] пренебрежительное прозвище белых.

[5] пренебрежительное прозвище евреев.

Тут и там волосатики восседали на своих мотоциклах. В канавах белели окурки от самокруток (богатые курят доукс).

Он уже видел небоскребы, ввинчивающиеся в облака, высокие, чистенькие. А выше всех Нетворк-геймс-билдинг, здание Сетевой Корпорации Игр, сто этажей, верхняя половина прячется в облаках и смоге. Не сводя с него глаз, Ричардс прошел еще с милю. Теперь вдоль улицы выстроились дорогие кинотеатры, а табачные магазины обходились без решеток (зато у витрин стояли частные охранники с электрошоковыми дубинками, болтающимися на широких кожаных поясах). И городской коп торчал на каждом углу. А вот и народный Парк фонтанов – вход 75 центов. Хорошо одетые мамаши наблюдали за детьми, резвящимися на лужайке за металлической оградой. Ворота охраняли два копа. Вдали поблескивали струи фонтана.

Ричардс пересек Канал.

С каждым шагом Дом игр становился все выше, громаднее, с бесконечными рядами незрячих окон, забранных тонированным стеклом, с отполированным мрамором стен. Копы пристально следили за ним, готовые погнать его дальше или мгновенно скрутить, попытайся он что-то украсть. В центре мужчина в мешковатых серых штанах, с прической «под горшок» и запавшими глазами мог появиться с одной целью – принять участие в Играх.

Отбор игроков начинался ровно в полдень, но, когда Бен Ричардс пристроился в хвост очереди, она уже вытянулась на девять кварталов, то есть на добрую милю. Очередь напоминала ему бесконечную змею. Последним он стоял недолго. Народ все прибывал. Копы не спускали с них глаз, поглаживая рукоятки пистолетов и дубинок. На их лицах играли презрительные ухмылки.

– Тебе не кажется, Френк, что вон тот – недоумок? Я в этом уверен.

– Тут один парень спросил, как ему пройти в сортир. Ну воще!

– Эти сукины дети…

– Убьют родную мать ради…

– Воняло от него так, словно он не мылся уже…

– Шоу – отпад. Прикинь…

Опустив головы, они переминались с ноги на ногу, а вскоре очередь двинулась с места.

…Минус 098, отсчет идет…

В регистрационный отдел Бен Ричардс вошел в начале пятого, и его направили в сектор девять (буквы Р – С). За столиком с мерно жужжащим компьютером сидела усталая, суровая, безразличная женщина. Она смотрела на него, но, похоже, не видела.

– Фамилия-имя-второе имя.

– Ричардс, Бенджамин Стюарт.

Ее пальцы забегали по клавиатуре. *Клик-клик-клик.*

– Возраст-рост-вес.

– Двадцать восемь, шесть футов два дюйма, сто шестьдесят пять[6].

Клик-клик-клик

– Ай-кью[7] по тесту Уэчслера, если вы его знаете, возраст, в котором проходили тест.

– Сто двадцать шесть. В четырнадцать лет.

Клик-клик-клик

В огромном зале голоса гулким эхом отскакивали от стен. Вопросы и ответы, вопросы и ответы. Кого-то выводили в слезах. Кого-то вышвыривали. Кто-то пытался протестовать. Кто-то завопил не своим голосом. Вопросы. Снова вопросы.

– Какое образовательное учреждение посещали последним?

– Ремесленное училище.

– Окончили?

– Нет.

– Сколько лет проучились, в каком возрасте бросили учебу?

– Два года. В шестнадцать лет.

– По какой причине бросили учебу?

– Женился.

Клик-клик-клик

– Имя и возраст жены, если таковая имеется.

– Шейла Кэтрин Ричардс, двадцать шесть лет.

– Имена и возраст детей, если есть.

– Кэтрин Сара Ричардс, восемнадцать месяцев.

Клик-клик-клик

– Последний вопрос, мистер. Не пытайтесь лгать. Вас разоблачат на медкомиссии и вышвырнут. Употребляли вы когда-нибудь героин или галлюциногенный синтетический амфетамин, называемый «Сан-Франциско пуш»?

– Нет.

Клик

Пластмассовая карточка выскочила из щели в столике, женщина протянула ее Ричардсу.

– Не потеряй, здоровяк. Если потеряешь, придется возвращаться сюда на следующей неделе. – Теперь она смотрела на него, видела лицо, злые глаза, поджарое тело. Симпатичный парень. И неглуп. Хорошие данные.

Она взяла у него карточку, пробила несколько перфораций в правом верхнем углу.

– А это зачем?

– Не важно. Потом тебе скажут. Может быть. – Она махнула рукой в сторону длинного коридора, уходящего к лифтам. Десятки людей, прошедших регистрацию, показывали пластиковые удостоверения и тянулись к лифтам. Ричардс увидел, как коп остановил дрожащего всем

---

[6] 188 см, 75 кг.

[7] IQ (intelligence quotient) – коэффициент умственного развития.

телом калеку, пожелтевшее лицо которого указывало на пристрастие к «пушу», и указал на дверь. Калека заплакал, но спорить не стал.

– Жестокий у нас мир, здоровяк, – донеслось из-за столика. Сочувствия в голосе женщины не слышалось. – Вперед.

Ричардс подчинился. А за его спиной звучали все те же вопросы.

…Минус 097, отсчет идет…

Грубая, жилистая рука ухватила его за плечо, едва он, миновав столы с регистраторами, ступил в коридор.

– Карточка, приятель.

Ричардс показал карточку. Коп сбросил руку, на его лице отразилось разочарование.

– Небось нравится вышвыривать их отсюда, так? – спросил Ричардс. – Чувствуешь себя боссом, не правда ли?

– Хочешь вернуться в свой сарай, говнюк?

Ричардс прошел мимо него, коп не попытался его остановить.

На полпути к лифтам он оглянулся:

– Эй, коп.

Тот подозрительно глянул на него.

– Семья у тебя есть? На следующей неделе можешь оказаться на моем месте.

– Проваливай! – яростно рявкнул коп.

Улыбаясь, Ричардс проследовал к лифту.

В очереди стояли человек двадцать кандидатов. Ричардс показал одному из копов пластиковую карточку, получил в ответ пристальный взгляд.

– Считаешь себя крутым, сынок?

– Есть такое, – усмехнулся Ричардс.

Коп вернул ему карточку:

– Они выбьют из тебя дурь. Сможешь ли ты говорить с дыркой в голове, сынок?

– Посмотрел бы я, как заговоришь ты, если отобрать у тебя пистолет и стянуть штаны до колен, – все еще улыбаясь, ответил Ричардс. – Давай попробуем?

В голове промелькнула мысль, что коп сейчас ему врежет.

– Они тебя обтешут, – ответил коп. – Еще поползаешь на коленях, прежде чем отправиться на тот свет.

Коп повернулся к троим вновь прибывшим и потребовал у них карточки.

Мужчина, стоявший впереди Ричардса, обернулся. Нервное печальное лицо, курчавые волосы клином, врезающимся в лоб меж двух залысин.

– Не стоит настраивать их против себя, парень. Они все повязаны.

– Неужели? – снисходительно спросил Ричардс.

Мужчина отвернулся.

Резко раскрылись двери кабины. Чернокожий коп с громадным животом охранял пульт управления с рядами кнопок. Другой коп проглядывал голографический порножурнал, сидя на стульчике в будке из пуленепробиваемого стекла размером с телефонную. Между колен он держал автомат с укороченным стволом. Под рукой стояли запасные рожки.

– К дальней стене! – привычно рыкнул толстяк коп. – К дальней стене! К дальней стене!

Они набились в кабину, как сельди в бочку. Печальные лица со всех сторон окружали Ричардса. Поднялись на второй этаж. Двери распахнулись. Ричардс, на голову выше остальных, увидел просторный, уставленный стульями зал с гигантским, во всю стену фри-ви.

– Выходите! Выходите! Карточки в левую руку!

Они выходили один за другим, предъявляя карточку бесстрастному объективу камеры. Трое копов стояли наготове. По какой-то причине внезапно начинал жужжать зуммер, и обладателя карточки выдергивали из шеренги и уводили прочь.

Ричардс показал свою карточку и проследовал в зал. Подошел к сигаретному автомату, получил пачку «Блэмс» и уселся как можно дальше от фри-ви. Закурил, вдохнул дым, закашлялся. Последний раз он держал в руке сигарету шесть месяцев назад.

…Минус 096, отсчет идет…

Тех, у кого фамилия начиналась с буквы «А», на медицинский осмотр вызвали сразу же: примерно два десятка человек потянулись к двери под фри-ви. Большими буквами на стене значилось: СЮДА. Стрелка под надписью указывала на дверь. Все знали, что грамотность у желающих участвовать в Играх хромала. Каждые четверть часа, плюс-минус несколько минут, вызывалась очередная буква. Бен Ричардс появился в зале ожидания около пяти, так что, по его прикидкам, мог не дергаться до начала десятого. Он жалел, что не взял с собой книгу, но, с другой стороны, и без нее можно было обойтись. Книги вызывали подозрения, особенно если их читали живущие к югу от Канала. Таким больше пристало листать порножурналы.

Он посмотрел шестичасовой выпуск новостей (ожесточенные бои в Эквадоре, бунты людоедов в Индии, «Детройтские тигры» оказались сильнее «Хардингских кугуаров». Счет дневного матча 6:2), а когда в половине седьмого началась первая вечерняя игра, отошел к окну и поглядел наружу. Решение он уже принял, и игры вновь навевали на него тоску. Большинство же остальных как зачарованные следили за «Ружейными забавами». На следующей неделе они сами могли стать участниками этой игры.

За окном день медленно сменялся сумерками. Вагоны надземки стремительно проносились сквозь силовые кольца чуть повыше второго этажа, прорезая сумрак мощными фарами. Ниже, на тротуарах, толпы мужчин и женщин (главным образом, естественно, технический персонал и чиновники Сети) вышли на охоту: начинались поиски ночных развлечений. Зарегистрированный пушер расхваливал на углу свой товар. Мимо него прошел мужчина, держа под локотки двух красоток в соболях. Все трое смеялись.

Внезапно его захлестнула тоска по дому, Шейле, Кэти. Как ему хотелось позвонить им. Впрочем, он полагал, что такое не разрешается. Разумеется, он мог уйти, несколько мужчин так и сделали. Пересекли зал, улыбаясь непонятно чему, открыли дверь с надписью НА УЛИЦУ и исчезли. Возвращаться в квартиру, где его дочь металась в жару? Нет. Не мог он вернуться. Не мог.

Какое-то время он еще стоял у окна, потом вернулся на прежнее место, сел. На фри-ви начиналась новая игра – «Вырой себе могилу».

Парень, что сидел рядом, повернулся к Ричардсу и озабоченно спросил:

– Неужели по результатам медосмотра отсеивают тридцать процентов?

– Не знаю, – пожал плечами Ричардс.

– Господи, – выдохнул парень. – У меня бронхит. Может, возьмут в «Денежное колесо»…

Ричардс не знал, что и ответить. В груди у парня все свистело. Будто грузовик где-то вдалеке одолевал крутой подъем.

– И еще язва, – с тихим отчаянием добавил парень.

Ричардс не отрывал глаз от фри-ви, словно его захватила игра.

Парень долго молчал. Когда в половине восьмого программа прервалась, Ричардс услышал, как он задает тот же вопрос насчет медосмотра мужчине, сидящему с другой стороны. За окном стемнело. Идет ли дождь? – спросил себя Ричардс. Похоже, его ждал долгий-долгий вечер.

…Минус 095, отсчет идет…

В дверь, на которую указывала красная стрела, мужчин, чьи фамилии начинались с буквы «Р», пригласили чуть позже половины десятого. Первоначальное возбуждение давно спало, кто-то продолжал смотреть фри-ви, другие дремали. Фамилия парня, у которого свистело в груди, начиналась с буквы «Л», его вызвали часом раньше. Думать о том, сочли его годным или нет, Ричардсу не хотелось.

Смотровой зал, с выложенными кафелем стенами, купался в ярком свете флюоресцентных ламп. Он напоминал сборочный конвейер, по всей длине которого на определенном расстоянии друг от друга их поджидали скучающие врачи.

Захочет ли кто-нибудь из них вылечить мою дочурку, подумал Ричардс.

Кандидатов в игроки, предъявивших свою карточку объективу еще одной камеры, направляли к ряду крючков для одежды. Доктор в длинном белом халате подошел к ним с папкой под мышкой.

– Раздевайтесь, – приказал он. – Одежду вешайте на крючки. Запомните, какой у крючка номер, и назовите его санитару, что стоит в конце ряда. О ценностях не беспокойтесь. Никому они не нужны.

Ценностях, повторил про себя Ричардс. Остряк, однако. Он расстегнул рубашку. Ценностей у него хоть отбавляй: бумажник с фотографиями Шейлы и Кэти, квитанция на подметку ботинка, которую местный сапожник заменил ему шесть месяцев назад, кольцо для ключей с единственным ключом – от входной двери, детский носок, неведомо как попавший в карман, и пачка «Блэмс», которую выдал ему автомат в зале ожидания.

Он еще носил рваное нижнее белье, по настоянию Шейлы, хотя многие мужчины давно уже натягивали брюки прямо на голое тело. Вскоре все они стояли голенькие, с болтающимися между ног пенисами. С карточкой в руке. Некоторые переминались с ноги на ногу, словно у них мерзли ступни. Странно, пол-то не холодный. В воздухе витал забытый запах спирта.

– Не выходить из очереди, – командовал доктор с папкой под мышкой. – По первому требованию показывать карточку. В точности выполнять все указания.

Колонна двинулась. Ричардс заметил, что каждого врача охраняет коп. Он опустил глаза, покорно ожидая исхода.

– Карточку.

Он протянул карточку. Первый врач записал номер.

– Открой рот, – последовал приказ.

Ричардс открыл. Ему нажали на язык.

Следующий врач посветил в зрачки миниатюрным фонариком, покопался в ушах.

Третий приставил холодный кружок стетоскопа к груди.

– Покашляй.

Ричардс покашлял. Впереди из колонны выволакивали мужчину. Ему нужны деньги, орал он, они не имеют права, он подаст на них в суд.

Врач передвинул стетоскоп.

– Покашляй.

Ричардс покашлял. Врач развернул его, приложил стетоскоп к спине.

– Глубоко вдохни, и не дышать. – Стетоскоп переместился. – Выдохни.

Ричардс выдохнул.

– Проходи.

Кровяное давление измерял улыбающийся врач с повязкой на глазу. Лысый врач с большими черными веснушками на макушке, похожими на почечные бляшки, проверил, нет ли у него паховой грыжи. Сунул холодную руку между мошонкой и бедром.

– Покашляй.

Ричардс покашлял.

– Проходи.

У него измерили температуру, взяли на анализ слюну. Он миновал полпути. Половину смотрового зала. Несколько мужчин уже прошли всех врачей, и санитар с одутловатым лицом и большущими передними зубами принес им одежду в проволочных корзинах. С полдесятка вытолкали из очереди и вывели на лестницу.

– Наклонись и раздвинь ягодицы.

Ричардс наклонился, раздвинул. Палец, обтянутый пластиком, влез в его прямую кишку, пошуровал там, вылез.

– Проходи.

Он вошел в кабинку с тремя стенами-занавесками, такие ставили на избирательных участках (от кабинок уже одиннадцать лет как отказались, полностью компьютеризировав процесс голосования), и помочился в синий лабораторный стакан. Врач взял стакан и поставил в ячейку тележки.

На следующем посту у него проверили зрение.

– Читай, – приказал врач.

– Е… эй, эл… дэ, эм, эф… эс, пи, эм, зет… ка, эль, эй, си, ди… ю, эс, джи, эй…

– Достаточно. Проходи.

Он вошел в кабинку, совсем как на избирательном участке, надел наушники. Ему велели нажимать белую кнопку, если он что-то услышит, и красную, когда воцарится тишина. Звук пошел высокий и очень слабый, как посвист собаки, на пределе диапазона, различаемого человеком. Ричардс нажимал кнопки, пока его не остановили.

Его взвесили. Прощупали грудную клетку. Поставили перед флюорографом и надели свинцовый фартук. Врач жевал резинку и напевал себе под нос что-то неразборчивое. Он сделал несколько снимков, записал номер карточки.

Вместе с Ричардсом в смотровой зал вошли человек тридцать. Двенадцать добрались до дальнего конца. Некоторые уже оделись и ждали лифта. Примерно десяток отправили по домам. Один пытался наброситься на врача, который «срезал» его, и коп огрел беднягу электрошоковой дубинкой. Тот упал замертво.

Ричардс подошел к низкому столику. Его спросили, болел ли он одной из пятидесяти болезней. Главным образом респираторных. Врач вскинул на него глаза, когда Ричардс сказал, что у него в семье болеют гриппом.

– Жена?

– Нет. Дочь.

– Возраст?

– Полтора года.

– Ты прививался? Не пытайся врать! – Врач сорвался на крик, будто уже уличил Ричардса во лжи. – Мы все проверим.

– Первая прививка в июле 2023-го. Повторная – в сентябре 2023-го. В квартальной клинике.

– Проходи.

У Ричардса внезапно возникло желание перегнуться через столик и свернуть этому слизняку шею. Вместо этого он двинулся дальше.

На последнем посту сурового вида женщина-врач с коротко стриженными седыми волосами и мини-плейером в ухе спросила, не гомосексуалист ли он.

– Нет.

– Арестовывался за совершение преступления?

– Нет.

– Не страдаешь устойчивыми фобиями? Под этим подразумеваются…

– Нет.

– Тебе бы лучше дослушать. – В голосе сквозило пренебрежение. – Речь о том…

– …есть ли у меня нехарактерные и внезапные приступы страха вроде акрофобии и клаустрофобии. Нет.

Она плотно сжала губы, на мгновение он подумал, что сейчас она отчитает его.

– Ты принимаешь или принимал галлюциногены или наркотики, к которым развивается привыкание?

– Нет.

– Есть у тебя родственники, которых привлекали к уголовной ответственности за совершение преступлений против государства или Сетевой Корпорации Игр?

– Нет.

– Подпишите эти два соглашения с Игровым комитетом, о лояльности и освобождении Корпорации от ответственности за вашу жизнь, мистер… э… Ричардс.

Он дважды нацарапал свою подпись.

– Покажите санитару карточку и назовите номер…

Он отвернулся от нее и махнул рукой зубастому санитару.

– Номер двадцать шесть, Кролик.

Санитар принес его вещи. Ричардс не спеша оделся, направился к лифтам. Анус неприятно жгло, наверное, от смазки, которой пользовался врач.

Когда собрались все прошедшие осмотр, двери открылись. На этот раз пуленепробиваемая стеклянная будка пустовала. Их встретил один коп, худой, со здоровенным жировиком у носа.

– К задней стенке! Прижимайтесь к задней стенке! – заголосил он.

Перед тем как закрылись двери, Ричардс увидел входящих в смотровой зал претендентов с фамилией на «С». К ним уже направлялся доктор с папкой.

Они поднялись на третий этаж. И попали в огромную, плохо освещенную казарму. Ряды узких железных коек уходили за горизонт.

Двое копов выпускали их по одному, называя каждому номер койки. Ричардсу достался девятьсот сороковой. На койке он нашел тоненькое одеяло и плоскую подушку. Улегся, сбросив ботинки. Ноги свешивались, но с этим он ничего поделать не мог.

Он заложил руки за голову и уставился в потолок.

…Минус 094, отсчет идет…

Наутро, ровно в шесть, его разбудило очень громкое дребезжание. Поначалу он не понял, где находится, удивился, чего это Шейла завела будильник, но потом сообразил, что к чему, и сел.

Группами по пятьдесят их повели в большой санитарный блок, где они предъявили свои карточки камере, рядом с которой маячил коп. Ричардс вошел в выложенную синим кафелем кабинку с раковиной, зеркалом, душем и унитазом. На полочке над раковиной лежали завернутые в целлофан зубные щетки, электрическая бритва, кусок мыла и наполовину выдавленный тюбик зубной пасты. *УВАЖАЙ СОБСТВЕННОСТЬ,* прочитал Ричардс на наклейке на зеркале. Под печатными буквами кто-то нацарапал: *Я УВАЖАЮ ТОЛЬКО СОБСТВЕННУЮ ЗАДНИЦУ.*

Ричардс принял душ, вытерся, швырнул полотенце на бачок, побрился, причесался.

После утреннего туалета они проследовали в кафетерий, где вновь предъявили карточки-удостоверения. Ричардс взял поднос и пошел с ним вдоль длинного прилавка из нержавеющей стали. Ему дали коробочку кукурузных хлопьев, миску жареной картошки, шматок яичницы, гренок, холодный и твердый, как мраморное надгробие, полпинты молока, чашку кофе (без сливок), пакетики с сахаром и солью и кубик искусственного масла на клочке вощеной бумаги.

Он съел все до последней крошки. Все съели. Для Ричардса это был первый настоящий завтрак за Бог знает сколько времени: на пособие государство выдавало какие-то насыщающие пилюли. Еда, правда, была абсолютно безвкусной, будто иезуит повар оставил ей только питательные функции.

А что *они* ели этим утром? Таблетки из водорослей? Искусственное молоко для Кэти? Отчаяние охватило его. Господи, когда они начнут посылать деньги? Сегодня? Завтра? На следующей неделе?

А может, это все выдумки, чья-то злая шутка? И не будет никакой радуги, не говоря уже о горшке с золотом?

Уставившись в пустую тарелку, он просидел до семи часов, когда дребезжащий звонок позвал их к лифтам.

…Минус 093, отсчет идет…

На четвертом этаже группу Ричардса загнали в большую, без мебели комнату с широкими, как на почтовых ящиках, прорезями в стенах. Они вновь показали свои карточки, и двери лифтовой кабины закрылись.

В комнату вошел мужчина с изможденным лицом и редеющими волосами, с эмблемой Корпорации Игр (силуэт человеческой головы на фоне факела) на лацкане белого халата.

– Пожалуйста, разденьтесь и вытащите из карманов все ценное. Затем бросьте одежду в щели мусоросжигателя. Вам выдадут униформу Корпорации Игр. – Он широко улыбнулся. – Униформа останется при вас, независимо от того, как сложится ваша судьба.

Некоторые поворчали, но подчинились все.

– Поторопитесь, пожалуйста. – Мужчина дважды хлопнул в ладоши, как учитель, дающий понять, что перемена подошла к концу. – У нас еще много дел.

– Вы тоже будете участвовать в Играх? – спросил Ричардс.

Мужчина недоуменно воззрился на него. Кто-то за спиной Ричардса хихикнул.

– Не берите в голову. – И Ричардс снял брюки.

Обнажив свои бесценные ценности, он опустил рубашку, брюки и трусы в щель, навстречу языкам пламени.

Дверь в дальней стене (дверь всегда в дальней стене, а они – крысы в огромном многоэтажном лабиринте: американском лабиринте, поправился Ричардс) открылась, и мужчины вкатили большие корзины, маркированные S, M, L и XL. Ричардс выбрал XL, из-за длины. Он опасался, что униформа повиснет на нем мешком из-за его худобы, но комбинезон пришелся как раз впору. Мягкий, облегающий материал напоминал шелк, но отличался большей плотностью. Единственная нейлоновая «молния» тянулась от шеи до промежности. Цветом комбинезоны не отличались: все темно-синие, с эмблемой Игр на правом нагрудном кармане. Когда вся группа оделась, Ричардсу показалось, что его начисто лишили индивидуальности.

– Сюда, пожалуйста. – Мужчина с изможденным лицом пригласил их в очередной зал ожидания. С непременным экраном фри-ви на стене.

– Вас будут вызывать по десять человек.

У двери под фри-ви имелась надпись СЮДА и, разумеется, указующая стрелка.

Они сели. Какое-то время спустя Ричардс поднялся, подошел к окну, выглянул. Они поднялись выше, а дождь лил по-прежнему. Улицы чернели влажным асфальтом. Что сейчас делает Шейла, подумал он.

…Минус 092, отсчет идет…

В четверть одиннадцатого его десятка миновала еще одну дверь. Входили гуськом, по одному. Опять показывали карточки. Их встретили десять кабинок с тремя уже не матерчатыми, а пластиковыми стенами, обитыми звуконепроницаемой пробкой. С потолка струился рассеянный свет, из невидимых динамиков лилась тихая музыка. Пол устилал толстый ковер. Ступни Ричардса чувствовали себя неуютно: они привыкли к бетону.

Мужчина с изможденным лицом что-то ему сказал. Ричардс мигнул:

– Что?

– Кабина шесть, – с укором повторил мужчина.

– Понятно.

Он направился к указанной кабине. Стол, за ним, на уровне глаз сидящего, большие настенные часы. На столе заточенный карандаш и стопка нелинованной бумаги. Дешевой бумаги, отметил Ричардс.

А между часами и столом стояла ослепительная жрица компьютерной эры, высокая, а-ля Юнона, блондинка в переливающихся шортиках, плотно обтягивающих треугольник лобка. Набухшие соски налитой груди нагло буравили сетчатую шелковую блузу.

– Присядьте, пожалуйста. Я – Ринда Уэрд, ваш экзаменатор. – Она протянула руку.

Остолбеневший Ричардс ее пожал.

– Я – Бен Ричардс.

– Можно называть вас Бен? – Улыбка соблазнительная, но безразличная. Он же испытал тот самый прилив желания, который и должна вызывать женщина, выставляющая напоказ свое роскошное тело. Его это разозлило. Небось ловит кайф, подумал он, растелешиваясь перед горемыками, добровольно решившимися сунуться в мясорубку.

– Конечно. – Он сел. – Отличные буфера.

– Благодарю, – невозмутимо ответила она. Он старался не смотреть на нее и из-за этого злился все больше. – Сегодня мы проверим ваши умственные способности точно так же, как вчера проверяли ваше здоровье. Проверка займет достаточно много времени, ленч вы получите в три часа, при условии, что выдержите экзамен. – Улыбка на ее губах то появлялась, то исчезала. – Первый тест – языковой. У вас будет ровно час с той секунды, как я передам вам эту брошюру. Вы можете задавать вопросы во время экзамена, и я отвечу на те, что имеют отношение к самому экзамену. На вопросы, указанные в брошюре, вы от меня ответа не дождетесь. Понятно?

– Да.

Она протянула ему брошюру. С красной рукой на обложке, ладонью вверх. Надписью под ней, большими красными буквами:

СТОП!

И ниже: *Не переворачивайте первую страницу без разрешения экзаменатора.*

– Круто, – вырвалось у Ричардса.

– Простите? – Идеально вылепленные брови чуть приподнялись.

– Не важно.

– Под каждым вопросом вы найдете несколько вариантов ответа. Пожалуйста, пожирнее отмечайте выбранный вами вариант. Если вы решите, что правильным является другой ответ, пожалуйста, полностью сотрите первую отметку. Если не знаете ответа, гадать не надо. Вы меня понимаете?

– Да.

– Тогда, пожалуйста, переверните первую страницу и приступайте. Когда я скажу стоп, положите карандаш. Можете начинать.

Он не начал. Медленно, с ленцой окинул взглядом ее тело.

Она покраснела.

– Ваш час пошел, Бен. Вам лучше…

– Почему здесь считают, – спросил он, – что по другую сторону Канала живут исключительно похотливые недоумки?

Ринда совсем сникла:

– Я… никогда…

– Нет, вы никогда. – Он улыбнулся и взялся за карандаш. – Господи, до чего же люди тупы.

Он склонился над брошюрой, пока она пыталась найти причину этой внезапной атаки. Но едва ли бы ей удалось понять его мотивы.

В первом пункте вопросника требовалось вставить в предложение пропущенное слово.

1. Одна… весны не делает.

а) мысль;

б) кружка пива;

в) ласточка;

г) драка;

д) ни одно из вышеуказанных слов не подходит.

Бланк для ответов он заполнял быстро, редко останавливаясь, чтобы обдумать или пересмотреть свой первоначальный выбор. И уложился в сорок пять минут. Но она не приняла у него брошюру. На тест полагался ровно час, поэтому Ричардс откинулся на спинку стула и внаглую обозревал ее практически нагое тело. Тишина сгущалась, давила все сильнее. Он видел, что ей хочется накинуть на себя халатик, и его это радовало.

Когда время истекло, она дала ему второй вопросник. На первой странице он увидел чертеж бензинового карбюратора. Ниже прочитал:

Вы можете поставить это устройство в:

а) газонокосилку;

б) фри-ви;

в) электрогамак;

г) автомобиль;

д) ни в один из этих механизмов.

Третий тест пришелся на математику. В цифрах он не был силен, поэтому начал потеть, видя, как неумолимо движется стрелка часов. А когда время истекло, сидел мокрый как мышь. Ответить на последний вопрос он не успел. Ринда Уэрд улыбнулась чуть шире, чем того требовала ситуация, забирая у него вопросник и бланк с ответами.

– Быстро не получилось, Бен.

– Зато все ответы – правильные. – Он улыбнулся в ответ, привстал, наклонился вперед и легонько похлопал ее по заду. – Прими душ, крошка. Ты хорошо поработала.

Кровь бросилась ей в лицо.

– Я могу снять тебя с экзамена.

– Чушь собачья. Тебя уволят, только и всего.

– Вон отсюда. Убирайся к своим, – фыркнула она, на глаза навернулись слезы.

В нем проснулось было сострадание, но он тут же придавил это совершенно неуместное чувство.

– Сегодня ты проведешь отменный вечерок. Поужинаешь в ресторане с тем, кто спит с тобой на этой неделе, и при этом будешь думать о моем ребенке, умирающем от гриппа в вонючей трехкомнатной квартире Развития.

И ушел, а она так и осталась стоять, глядя ему вслед, с белым как мел лицом.

Группа из десяти претендентов сократилась до шести. Их отвели в следующую комнату. Часы показывали половину второго.

…Минус 091, отсчет идет…

Глаза врача, сидевшего по другую сторону стола в маленькой кабинке, прятались за толстыми линзами очков. Губы кривила гаденькая, довольная ухмылка, напомнившая Ричардсу одного дебила из далекой юности. Тот залезал под трибуны школьного стадиона и заглядывал девчонкам под юбки, гоняя шкурку. Ричардс заулыбался.

– Подумали о чем-то приятном? – спросил врач, не прекращая перебирать листки, заляпанные чернильными кляксами. Гаденькая улыбка стала шире.

– Да. Вы напомнили мне одного знакомого.

– Правда? Кого же?

– Не важно.

– Ладно. Что вы видите?

Ричардс всмотрелся в хаотичное месиво клякс и белых пятен. Манжета для измерения кровяного давления охватывала его правую руку. К голове крепились несколько электродов, соединенных с компьютером. По дисплею бежали волнистые линии.

– Две женщины-негритянки. Целуются.

Первую картинку сменила вторая.

– Здесь?

– Спортивный автомобиль. Вроде «ягуар».

– Вы интересуетесь автомобилями с дэ вэ эс[8]?

Ричардс пожал плечами.

– В детстве у меня была коллекция игрушечных автомобилей.

Врач что-то чиркнул, положил перед Ричардсом следующую картинку.

– Больная женщина. Лежит на боку. Тени, падающие на лицо, напоминают тюремную решетку.

– А что здесь?

Ричардс загоготал.

– Похоже на кучу дерьма.

Думал он о враче, бегающем в белом халате под трибунами, заглядывающем девчонкам под юбки и онанирующем, поэтому вновь рассмеялся. Наяву врач спокойно сидел перед ним, все так же гаденько улыбаясь, отчего ему становилось только веселее. Наконец Ричардс выдохся. Икнул и затих.

– Не думаю, что скажете мне…

– Нет, – оборвал его Ричардс. – Не скажу.

– Хорошо, поехали дальше. Образные ассоциации. – Объяснить, о чем речь, он не удосужился. Ричардс понял, что информация о нем уже прошла. Оно и к лучшему – экономится время.

Врач достал из внутреннего кармана секундомер, приготовил шариковую ручку, взглянул на лежащий перед ним лист с написанными на нем словами.

– Врач.

– Ниггер, – отозвался Ричардс.

– Пенис.

– Член.

– Красное.

– Черное.

– Серебро.

---

[8] ДВС – двигатель внутреннего сгорания.

– Кинжал.

– Винтовка.

– Убийство.

– Выигрыш.

– Деньги.

– Секс.

– Тест.

– Ударить.

– Наотмашь.

Словесный пинг-понг продолжался. Врач назвал больше пятидесяти слов, прежде чем остановил секундомер и положил ручку.

– Хорошо. – Он положил руки на стол, сцепил пальцы. – У меня последний вопрос, Ричардс. Не могу сказать, что мне под силу отличить ложь от правды, но машину, к которой вы подсоединены, обмануть практически невозможно. Суицидальные мотивы не имеют отношения к вашему решению принять участие в Играх?

– Нет.

– Тогда в чем причина?

– Моя маленькая дочь больна. Ей нужен врач. Лекарства. Больничный уход.

Ручка летала по бумаге.

– Это все?

Ричардсу хотелось ответить, что да (остальное – не их дело), но потом он решил выговориться. Возможно, потому, что врач – вылитый, только постаревший, дебил, которого он знал давным-давно и не пойми почему вспомнил. А может, ему просто хотелось облечь свои эмоции в слова, чтобы всем все стало ясно, в том числе и ему самому.

– Я давно безработный. Хочу снова работать, пусть даже мальчиком для битья в игре, исход которой заведомо известен. Я хочу работать и содержать семью. У меня есть гордость. У вас есть гордость, доктор?

– Гордецам прямая дорога в ад. – Щелчок, шарик ручки упрятался в корпус. – Если вам больше нечего добавить, мистер Ричардс… – Врач встал, давая понять (на то же указывало и обращение по фамилии), что собеседование закончено, независимо от того, хотел он что-то добавить или нет.

– Нет.

– Дверь в конце коридора по правую руку. Удачи вам.

– Куда уж без нее, – ответил Ричардс.

…Минус 090, отсчет идет…

Группа, в составе которой Ричардс вышел из лифта, сократилась до четырех человек. И новый зал ожидания заметно уменьшился в размерах. Аналогичные сокращения прошли и в других десятках. Из тех, кто провел ночь в казарме, осталось примерно сорок процентов. В половине пятого в зале появились последние, фамилии которых начинались с букв, замыкающих алфавит. В четыре служитель обнес всех с подносом, полным безвкусных сандвичей. Ричардс взял два и жевал их, слушая парня по фамилии Реттенмунд, который потчевал его и сидящих рядом похабными анекдотами. Знал он их, похоже, несметное множество.

Когда наконец собрались все, кто прошел очередной этап отбора, их затолкали в лифт и подняли на пятый этаж. На этот раз Корпорация предоставила к их услугам большую общую комнату, общий туалет и спальню с двухъярусными койками. Им также сказали, что в кафетерии, расположенном чуть дальше по коридору, их ждут в семь часов.

Ричардс посидел несколько минут, а потом направился к копу, что стоял у двери, через которую они вошли в их новое жилище.

– Тут есть телефон, приятель?

По правде сказать, он не ожидал, что ему могут разрешить позвонить, но коп молча указал на коридор.

Ричардс притворил дверь, выглянул. Точно, телефон-автомат.

Он вновь посмотрел на копа:

– Слушай, если ты одолжишь мне пятьдесят центов, я…

– Отвали, гнида.

Ричардс сдержался.

– Я хочу позвонить жене. Наш ребенок болен. Ради Бога, встань на мое место.

Коп расхохотался отрывистым, лающим смехом:

– Все вы одинаковые. Каждый день рассказываете мне басни. Особенно занятные на Рождество и День матери.

– Сволочь, – процедил Ричардс, и что-то в выражении его глаз и развороте плеч заставило копа уставиться в стену. – Или ты сам не женат? Неужели тебе не случалось остаться без гроша и занимать деньги, как бы тебя из-за этого ни мутило?

Коп неожиданно сунул руку в карман, достал пригоршню пластиковых монет. Выхватил два новых четвертака, остальные сунул в карман, свободной рукой схватил Ричардса за грудки.

– Если скажешь кому, что сумел разжалобить Чарли Грейди, я вышибу твои чертовы мозги, слизняк.

– Спасибо, – ровным голосом поблагодарил его Ричардс. – За ссуду.

Чарли Грейди рассмеялся и отпустил его. Ричардс прошел в коридор, снял трубку, бросил монеты в щель. Они упали на дно копилки, и поначалу ничего не изменилось *(Господи, неужели все зазря),* но потом послышался длинный гудок. Он набрал номер пятого этажа – телефон стоял в коридоре – в надежде, что трубку возьмет не эта сука Дженнер. Узнав его голос, она бы непременно ответила, что он не туда попал, и бросила бы трубку.

После шести гудков он услышал незнакомый голос:

– Алло?

– Я хочу поговорить с Шейлой Ричардс из квартиры пять-си.

– Я думаю, ее нет. – В голосе слышалось порицание. – Она, видите ли, гуляет по панели. У них болеет ребенок, а муж и не чухнется.

– Просто постучите в дверь, – просипел он.

– Одну минуту.

Трубка ударилась о стенку, обладательница незнакомого голоса просто бросила ее, потом послышались глухие удары и крики: «Телефон! Вас к телефону, миссис Ричардс».

Полминуты спустя незнакомый голос вновь заговорил в трубку:

– Ее нет. Слышно, как плачет ребенок, но ее нет. Как я и говорила, ловит момент. – В трубке послышалось хихиканье.

– Напишите ей записку. Если придется, на стене.

– Нет карандаша. Я кладу трубку. Пока.

– Подождите! – запаниковал Ричардс.

– Я… минуточку, – разочарованно добавил голос. – Она поднимается по лестнице.

Ричардс привалился к стене: ноги не держали. Мгновение спустя он услышал голос Шейлы, запыхавшийся, немного испуганный.

– Алло?

– Шейла. – Он закрыл глаза.

– Бен, Бен, это ты? У тебя все в порядке?

– Да. Все хорошо. Кэти. Как…

– Так же. Температура немного упала, но в легких все хрипит. Бен, мне кажется, у нее там мокрота. Вдруг это пневмония?

– Все образуется. Все образуется.

– Я… – Пауза, долгая пауза. – Я не хотела оставлять ее одну, но пришлось. Бен, утром я дала двоим. Выхода не было. Но я купила ей лекарства. Хорошие лекарства. – В голосе звучало страдание.

– Дерьмо это, а не лекарства, – возразил он. – Слушай, Шейла, кончай с этим. Пожалуйста. Я думаю, что меня взяли. Больше они никого не отбракуют, у них слишком много программ. Им нужно пушечное мясо. И по-моему, они дают аванс. Миссис Апшоу…

– В черном она выглядела ужасно, – перебила его Шейла.

– Не важно. Оставайся с Кэти, Шейла. Больше никуда не ходи.

– Хорошо. Не пойду. – Но он не верил ее голосу. *Скрестила ли ты пальцы, Шейла?* – Я люблю тебя, Бен.

– И я лю…

– Три минуты истекают, – ворвался в трубку голос телефонистки. – Если хотите продолжить разговор, опустите один новый или три старых четвертака.

– Еще секунду! – проорал Ричардс. – Не отключай связь, паршивая сука. Ты…

Связь прервалась.

Он швырнул трубку, она ударилась о стену, потом закачалась на серебристом проводе, будто змея, которая кусает только раз, а потом умирает.

Кто-то должен за это заплатить, тупо думал Ричардс, шагая к двери. Кто-то *должен*.

…Минус 089, отсчет идет…

На пятом этаже их продержали до десяти утра, и Ричардс чуть не сошел с ума от злости, тревоги и раздражения. Но в конце концов появился сотрудник Корпорации Игр, молодой человек в обтягивающем комбинезоне, с женственными манерами, и пригласил всех в лифт. Их осталось чуть меньше трехсот: около шестидесяти человек ночью по-тихому вывели из спальни. Среди них и парня с неисчерпаемым запасом похабных анекдотов.

Группами по пятьдесят человек их заводили в небольшую аудиторию на шестом этаже. Красный бархат сидений, подлокотники из настоящего дерева производили впечатление. Ричардс достал смятую пачку «Блэмс». Пепельниц, вмонтированных в подлокотники, он предпочел не замечать, стряхивая пепел на пол.

В центре маленькой сцены возвышалась кафедра. Кто-то поставил на нее кувшин с водой и стакан.

В четверть одиннадцатого женоподобный молодой человек подошел к кафедре.

– Позвольте представить вам Артура Эм. Бурнса, помощника директора Корпорации Игр.

– Ура, – неприятным голосом отозвался кто-то за спиной Ричардса.

Полный мужчина с лысиной на макушке, окруженной венчиком седых волос, бодрым шагом поднялся на сцену, взошел на кафедру, важно кивнул, как бы в ответ на аплодисменты, которые слышал только он. Затем широко, заразительно улыбнулся, сразу превратившись в пухленького, стареющего купидона в деловом костюме.

– Поздравляю, – объявил он. – Вы выдержали экзамен.

Ему ответил шумный выдох облегчения, смех, шлепки по спине. Многие закурили.

– Ура, – повторил неприятный голос.

– В самое ближайшее время вас распределят по программам и назовут номер вашей комнаты на седьмом этаже. Исполнительные продюсеры конкретных программ объяснят вам, чего от вас ждут. Но до того как вы займетесь делом, я еще раз хочу поздравить вас и сказать, что рад видеть перед собой столько смелых, решительных парней, отказывающихся жить на подачки, зная, что у каждого есть шанс утвердиться в обществе, показать себя настоящим мужчиной. И, позвольте добавить от себя лично, я считаю вас истинными героями нашего времени.

– Вранье, – откомментировал неприятный голос.

– А теперь, от всей Сети, желаю вам удачи и исполнения всех ваших желаний. Как говорится, Бог в помощь. – Он радостно захихикал и потер ручки. – Что ж, я понимаю, как вам не терпится узнать, в какой Игре вы будете участвовать. Не стану вас больше задерживать своей болтовней.

Распахнулась боковая дверь, дюжина девушек в красных туниках вошли в аудиторию. Начали выкликать фамилии, раздавая белые конверты, которые вскоре усеяли пол, как конфетти. Получившие пластиковые карточки узнавали свою судьбу. Слышались стоны, радостные крики, ругательства. Артур М. Бурнс взирал на происходящее с умильной улыбкой.

– Эта чертова «Некоторые любят погорячее». Господи, я ненавижу жару!

– «Денежное колесо», Боже, я не знал, что у меня плохое сердце…

– Я надеялся, что попаду туда, но не думал, что так оно и…

– Эй, Джейк, ты видел «Заплыв с крокодилами»? Я думал…

– Я такого не ожидал…

– Вот уж не гадал…

– Эта паршивая…

– «Гонка за оружием»…

– Бенджамин Ричардс! Бен Ричардс!

– Здесь!

Он получил белый конверт, мгновенно разорвал его. Пальцы дрожали, пластиковую карточку он сумел достать лишь со второй попытки. Долго смотрел на нее, ничего не понимая. Названия игры на ней не значилось. Его заменяли два слова, выдавленные на пластике: ЛИФТ ШЕСТЬ.

Он сунул карточку в нагрудный карман, где уже лежало удостоверение, и вышел из аудитории. Около первых пяти лифтов в конце коридора толпился народ: лифты группами поднимали на седьмой этаж участников игр следующей недели. У закрытых дверей шестого стояли четверо. В одном Ричардс узнал обладателя неприятного голоса.

– В чем дело? – спросил Ричардс. – Нас выкинули?

– Как бы не так, – невесело рассмеялся обладатель неприятного голоса, симпатичный парень лет двадцати пяти, с ссохшейся рукой, возможно, переболевший полиомиелитом, эпидемия которого прокатилась по Ко-Оп-Сити в 2005 году. – Думаю, нам предложат сыграть покрупному. В игру, где инфарктом, потерей глаза или руки не отделаешься. В ту, где тебя убивают. В наиболее удобное для зрителей время. Прайм-тайм, знаешь ли.

К ним присоединился шестой, красивый парень, который слишком уж часто изумленно моргал, словно многое видел впервые.

– Привет, сосунок, – бросил ему мужчина с неприятным голосом.

Ровно в одиннадцать, когда коридор давно уже опустел, раскрылись двери кабины шестого лифта. В стеклянной будке сидел коп.

– Видите? – Мужчина с неприятным голосом тараторил за всех шестерых. – Мы – опасные типы. Враги общества. Они намерены от нас избавиться. – Он скорчил зверскую рожу и расстрелял будку из воображаемого автомата. Коп, морда кирпичом, бесстрастно взирал на них.

…Минус 088, отсчет идет…

Крошечная, уютная, домашняя, интимная, вся в бархате приемная на восьмом этаже. Ричардс сидел в ней один.

Когда они вышли из лифта, троих быстро увели в конец коридора. Ричардса, мужчину с неприятным голосом и моргающего паренька доставили в эту приемную.

Секретарь, чем-то напомнившая Ричардсу одного из секс-символов ТВ прошлого (Лиз Келли? Грейс Тейлор[9]?), которых он видел в детстве, улыбнулась всем троим. Сидела она за столом в нише, так заставленной горшками с комнатными растениями, что казалось, будто она выглядывает из окопа где-нибудь в Эквадоре.

– Мистер Джански. – Ослепительная улыбка предназначалась на сей раз одному часто моргающему парню. – Пожалуйста, проходите.

И моргун прошествовал в святилище за дверью. Ричардс и мужчина с неприятным голосом, его звали Джимми Лафлин, лениво переговаривались. Выяснилось, что Лафлин жил в трех кварталах от Ричардса, на Портовой улице. До прошлого года работал в «Дженерал атомикс», но его уволили за участие в сидячей забастовке: рабочие протестовали против «дырявой» радиационной защиты.

– Но я тем не менее жив, – продолжил Лафлин, – что никак не устраивает этих слизняков. Разумеется, детей у меня быть не может. Я стерилен. Впрочем, кто обращает на это внимание. Невысокая плата за то, чтобы каждый день получать семь новобаксов.

Когда «Джи-Эй» выставила его за дверь, ссохшаяся рука мешала найти новую работу. А жена двумя годами раньше заболела астмой и теперь уже не вставала с постели.

– Вот я и решил выйти на ринг, – горько усмехнулся Лафлин. – Может, мне представится шанс вышвырнуть из окна нескольких ублюдков, прежде чем парни Маккоуна доберутся до меня.

– Ты думаешь, что…

– «Бегущий человек»! Готов поспорить на собственную задницу. Дай мне одну из этих поганых сигарет, приятель.

Ричардс не отказал.

Дверь открылась. Парень, который часто моргал, появился в приемной под руку с очаровательной куколкой, прелести которой только подчеркивал крошечный купальник. Он нервно улыбнулся Ричардсу и Лафлину, и они проследовали в коридор.

– Мистер Лафлин? Пожалуйста, проходите.

И Ричардс остался один, если не считать секретарши, вновь нырнувшей в окоп.

Он поднялся, подошел к сигаретному автомату в углу. Лафлин скорее всего прав, решил он. Они попали в высшую лигу. Он получил пачку «Блэмс», сел, закурил.

Двадцать минут спустя из кабинета вышел Лафлин с повисшей на его руке пепельной блондинкой.

– Моя новая подружка, – представил он блондинку Ричардсу. Та радостно улыбнулась. Лафлин насупился. – По крайней мере этот тип не вертит хвостом. – Он мотнул головой в сторону кабинета. – До встречи.

И скрылся в коридоре.

Секретарша высунулась из окопа.

– Мистер Ричардс? Пожалуйста, проходите.

---

[9] Автор сознательно путает имена, чтобы показать, что и ТВ, и кино давно забыты. Речь идет о Грейс Келли (1928–1982, модель, актриса, с 1956 г. – принцесса Монако, в 1982 г. погибла в автокатастрофе, и Элизабет Тейлор (р.1932, одна из самых известных актрис Голливуда).

Он не заставил просить себя дважды.

…Минус 087, отсчет идет…

Кабинет мог потягаться размерами с площадкой для киллбола. Одну стену занимало огромное окно, из которого открывалась панорама крыш жилых домов, портовых складов, резервуаров с нефтью и самого озера Хардинг. Серое небо, серая вода: дождь все еще лил. Вдалеке разворачивался большой танкер.

За столом сидел мужчина среднего роста, с очень черной кожей. Такой черной, что Ричардс даже подумал, человек ли сидит перед ним? Или манекен?

– Мистер Ричардс. – Хозяин кабинета поднялся, протянул руку. И совсем не обиделся, когда Ричардс ее не пожал. Просто убрал ее и сел.

У стола стоял раскладной стул. Ричардс тоже сел, затушил окурок в пепельнице с эмблемой Игр.

– Я – Дэн Киллиян, мистер Ричардс. Вы, наверное, уже догадались, почему вас пригласили сюда. Наши архивы и результаты тестов показывают, что вы – парень умный.

Ричардс ждал, сложив руки на груди.

– Вас отобрали для участия в «Бегущем человеке», мистер Ричардс. Это самая большая наша игра. Она наиболее опасна для участников, но и выиграть в ней можно больше, чем в любой другой. Договор о вашем согласии принять участие в этой игре лежит у меня на столе. Я не сомневаюсь, что вы его подпишете, но сначала хочу пояснить, почему мы выбрали вас, и убедиться в том, что вы полностью отдаете себе отчет о происходящем, знаете, на что идете.

Ричардс молчал.

Киллиян положил перед собой папку. Ричардс увидел, что на обложке написана его фамилия. Киллиян раскрыл папку.

– Бенджамин Стюарт Ричардс. Двадцать восемь лет, родился 8 августа 1997 года в городе Хардинге. Посещал ремесленное училище Южного города с сентября 2011 года по декабрь 2013-го. Дважды отстранялся от занятий за неуважение к руководству. Как я понимаю, вы ударили ногой помощника директора в верхнюю часть бедра, как только он повернулся к вам спиной?

– Вранье, – разлепил губы Ричардс. – Я дал ему хорошего пинка под зад.

Киллиян кивнул.

– Как скажете, мистер Ричардс. Вы женились на Шейле Ричардс, урожденной Гордон, в шестнадцать лет. Подписали стародавний пожизненный брачный контракт. Все время бунтуете, так? Не состоите в профсоюзе, потому что отказались подписать профсоюзную присягу на верность и договор о контроле заработной платы. Как я понимаю, вы охарактеризовали губернатора района Джонсбери как прохвоста.

– Да, – кивнул Ричардс.

– На одной работе вы не засиживались. Вас увольняли… давайте поглядим… шесть раз за несоблюдение субординации, оскорбление начальства и критику властей.

Ричардс пожал плечами.

– Короче, вы не желали знать свое место и отличались асоциальным поведением. Однако вам хватало ума не попасть в тюрьму и не идти на серьезный конфликт с государством. Не пристрастились вы и к наркотикам. В рапорте психолога отмечено, что в нагромождении чернильных клякс вы различили лесбиянок, экскременты и автомобиль с бензиновым двигателем. Он также указал на вашу необъяснимую веселость…

– Ваш психолог напомнил мне одного парня, которого я знал в детстве. Он любил забираться под трибуны школьного стадиона и дрочить. Я про парня. Любит ли это ваш врач – не знаю.

– Понятно. – Киллиян усмехнулся, белая полоска сверкнула на чернейшем лице, и вновь углубился в досье. – В вас сохранилась расовая предубежденность, запрещенная законом о расовом равноправии от 2004 года. Тест на образные сравнения показал склонность к насилию.

– В основе вашей игры лежит насилие, – ответил Ричардс.

– Верно. Однако мы, и я говорю это не только как сотрудник Корпорации Игр, а от имени государства, считаем такие симптомы крайне опасными.

– Боитесь, что кто-нибудь однажды ночью взорвет все ваше хозяйство? – усмехнулся Ричардс.

Киллиян послюнявил палец и перевернул страницу.

– К счастью для нас, вы оставили нам заложника, мистер Ричардс. У вас есть дочь по имени Кэтрин, восемнадцати месяцев от роду. Это случайность? – холодно улыбнулся он.

– Пожалуй, нет. – В голосе Ричардса не слышалось злобы. – Я тогда работал в «Джи-Эй». Но каким-то чудом не потерял способность иметь детей. Может, это знак свыше. Глядя, куда катится мир, я иной раз думаю, что мы просто рехнулись, решившись родить ребенка.

– Так или иначе, вы здесь. – Губы Киллияна кривила все та же холодная усмешка. – И в следующий вторник появитесь в «Бегущем человеке». Вы видели эту программу?

– Да.

– Тогда вам известно, что это самое зрелищное шоу фри-ви. Оно позволяет зрителям стать участниками происходящего на экране. Я исполнительный продюсер программы.

– Просто замечательно, – отозвался Ричардс.

– Наша программа – один из эффективнейших способов избавления от потенциальных бунтарей, таких, как вы, мистер Ричардс. Мы в эфире уже шесть лет. До сих пор ни один из участников не выходил из игры живым. Открою вам жестокую правду: мы стремимся к тому, чтобы и впредь каждая игра заканчивалась с тем же исходом.

– Тогда у вас крапленые карты, – заявил Ричардс.

Киллиян ничуть не оскорбился, наоборот, даже повеселел.

– А вот и нет! Вы постоянно забываете о том, что такие, как вы – анахронизм, мистер Ричардс. Люди собираются в барах и отелях или стоят на холоде перед большими фри-ви в витринах магазинов не для того, чтобы увидеть, как вам удалось убежать. Господи, совсем не для того! Они хотят увидеть, как вас уничтожают, и, если у них появится такая возможность, охотно примут в этом участие. Чем более кровавой будет ваша смерть, тем лучше. Но прежде всего вам придется потягаться с Маккоуном. Эван Маккоун и Охотники.

– Прямо-таки название неогруппы, – усмехнулся Ричардс.

– Маккоун никогда не проигрывает.

Ричардс хмыкнул.

– Вы появитесь в прямом эфире во вторник. Последующие передачи будут смонтированы из аудио– и видеоматериалов, а также прямых включений, если представится такой случай. Как вы, конечно, знаете, мы прерываем запланированные программы, когда игрок близок к… скажем так, персональному Ватерлоо.

Правила предельно просты. Вам или членам вашей семьи причитается сто новодолларов за каждый час, проведенный на свободе. На текущие расходы вы получите от нас четыре тысячи восемьсот новодолларов. Неистраченный аванс отойдет вашей семье, если с вами покончат до истечения сорока восьми часов. Вам также даются двенадцать часов форы. Если вы сможете продержаться тридцать дней, то выиграете Гран-при. Один миллиард новодолларов.

Ричардс откинул голову и расхохотался.

– Полностью с вами согласен, – сухо улыбнулся Киллиян. – Есть вопросы?

– Только один. – Ричардс наклонился вперед. На лице не осталось ни грана юмора. – А не хотели бы вы оказаться на свободе, в бегущих?

Киллиян засмеялся. Загоготал. Его живот бился о стол красного дерева.

– О-о-о… Мистер Ричардс… извините м-меня… – Очередной приступ смеха согнул его пополам.

Наконец, вытирая глаза большим белым носовым платком, Киллиян взял себя в руки.

– Видите, не только вам свойственно чувство юмора, мистер Ричардс. Вы… я… – Он вновь поперхнулся смехом. – Пожалуйста, извините. Уж очень вы меня рассмешили.

– Вижу.

– Еще вопросы?

– Нет.

– Очень хорошо. Перед выходом программы в эфир мы проведем рабочее совещание. Если в вашем изобретательном мозгу все-таки возникнут вопросы, зададите их на совещании. – Киллиян вдавил в стол кнопку.

– Ваша шлюха мне не нужна, – предупредил его Ричардс. – Я женат.

Брови Киллияна взлетели вверх.

– Вы уверены? Верность – замечательная черта, мистер Ричардс, но от пятницы до вторника утечет немало воды. А если учесть, что вы, возможно, больше никогда не увидите жену…

– Я женат.

– Как скажете. – Он кивнул появившейся в дверях девушке, и та исчезла. – Что мы можем сделать для вас, мистер Ричардс? В ваше распоряжение предоставят номер люкс на девятом этаже, в еде отказа не будет, разумеется, в пределах разумного.

– Бутылку хорошего бурбона. И телефон, чтобы я мог говорить с ж…

– В этом вынужден вам отказать, мистер Ричардс. Бурбон вы получите. Но, как только вы подписываете этот договор… – он пододвинул к Ричардсу бланк и ручку, – все ваши контакты с окружающим миром прекращаются до вторника. Может, передумали насчет девочки?

– Нет. – Ричардс подписал договор. – Но пусть принесут две бутылки бурбона.

– Нет проблем. – Киллиян поднялся и вновь протянул руку.

Ричардс вновь предпочел не заметить ее, повернулся и вышел из кабинета.

Киллиян проводил его взглядом. На этот раз он не улыбался.

…Минус 086, отсчет идет…

Секретарь выскочила из окопа, как только Ричардс появился в приемной, и протянула ему конверт. Он прочитал:

«Мистер Ричардс!

Подозреваю, в ходе нашего разговора вы запамятовали упомянуть о том, что деньги необходимы вам прямо сейчас. Или это не так?

Несмотря на циркулирующие слухи, Корпорация не выдает авансов. Вы не должны полагать себя участником, на которого так и сыплются всякие блага. Вы не звезда фри-ви, а рабочая лошадка, нанятая для выполнения опасного поручения, которое, разумеется, очень высоко оплачивается.

Но Корпорация не запрещает мне предложить вам ссуду от себя лично. В конверте вы найдете десять процентов тех денег, что должны получить с началом игры. Должен сразу предупредить вас, не в новодолларах, но в Игровых сертификатах, которые можно обменять на новодоллары. Если вы примете решение отослать их жене, а я склонен думать, что так оно и случится, она выяснит, что они имеют одно немаловажное преимущество в сравнении с новодолларами: хороший врач примет их в качестве платежного средства, а шарлатан – нет.

Искренне Ваш,
Дэн Киллиян».

Ричардс открыл конверт, достал толстую книжицу купонов с символом Игр на велюровой обложке. Сорок восемь купонов по десять новобаксов каждый. В Ричардсе начала подниматься волна благодарности, но он решительно подавил ее. Он не сомневался, что Киллиян вычтет эти четыреста восемьдесят долларов из той суммы, что полагалась ему на текущие расходы. Опять же четыреста восемьдесят долларов – чертовски малая цена за то, чтобы дичь думала лишь о своем спасении и таким образом содействовала поддержанию максимального напряжения в игре. А высокое качество каждой игры гарантировало, что Киллиян и дальше будет ходить в продюсерах.

– Дерьмо, – пробурчал Ричардс.

Секретарь вновь высунулась из окопа.

– Вы что-то сказали, мистер Ричардс?

– Нет. Как пройти к лифту?

…Минус 085, отсчет идет…

Люкс поражал воображение. Толстый ковер от стены до стены, три комнаты, гостиная, спальня и ванная. Выключенный фри-ви, благословенная тишина. В вазах цветы, в стене у двери кнопка с надписью на табличке «Обслуживание». Обслужат тут быстро, мрачно подумал Робертс. За дверью номера стояли два копа, с тем чтобы он не шатался где не следует.

Он нажал кнопку, дверь открылась.

– Да, мистер Ричардс? – спросил один из копов. Ричардс подумал, что слово «мистер» дается ему с большим трудом. – Бурбон, который вы заказывали, принесут…

– Я не об этом. – Он показал копу книжку с купонами, полученную от Киллияна. – Я хочу отправить ее в одно место.

– Напишите имя и адрес, и я прослежу, чтобы она попала по назначению.

Ричардс выудил из кармана квитанцию сапожника, написал на обороте свой адрес и имя жены. Отдал квитанцию и купоны копу. Тот уже отворачивался, когда Ричардс вспомнил о недавнем должке.

– Эй! Одну секунду!

Коп вопросительно посмотрел на Ричардса, протянул ему книжку с купонами. Ричардс открыл первый купон, оторвал десятую часть, вдоль перфорированной линии. Эквивалентная стоимость полоски равнялась одному новобаксу.

– Вы знаете Чарли Грейди? Из ваших?

– Чарли? – Коп настороженно прищурился. – Да, я знаю Чарли. Он с пятого этажа.

– Отдайте ему вот это. – Он протянул полоску. – И скажите, что дополнительные пятьдесят центов – его чаевые.

Коп уже хотел отвернуться, но Ричардс вновь остановил его:

– И вы принесете мне расписки от моей жены и Грейди, не так ли?

На лице копа отразилось презрение.

– А ты у нас недоверчивый.

– Естественно, – сухо улыбнулся Ричардс. – Вы, парни, меня этому и научили. К югу от Канала по-другому и быть не может.

– С удовольствием посмотрю, как они будут гонять тебя, – процедил коп. – Сяду перед моим фри-ви с банками пива в руках и не буду отрывать глаз от экрана.

– Прежде принеси мне расписки. – И Ричардс мягко закрыл дверь перед носом копа.

Бурбон принесли двадцать минут спустя, и Ричардс изрядно удивил посыльного, попросив прислать ему пару толстых романов.

– Романов?

– Книг. Вы знаете. Читать. Слова. Перелистывать страницы. – Ричардс показал, как это делается.

– Да, сэр. – В голосе посыльного слышалось сомнение. – А что прикажете подать на обед?

Дерьмо собачье, подумал Ричардс. Просто засасывает. Проваливаешься в «очко» и оказываешься по уши в розовом дерьме, которое к тому же благоухает «Шанелью № 5». Но по вкусу то же дерьмо.

– Бифштекс. Зеленый горошек. Картофельное пюре. – Господи, а какой будет ужин у Шейлы? Белковая пилюля да чашка эрзац-кофе? – Молоко. Яблочный пирог. Запомнишь?

– Да, сэр. Не желаете…

– Нет, – оборвал его Ричардс, на него внезапно навалилась тоска. – Нет. Убирайся. – Есть не хотелось. Ни чуточки.

…Минус 084, отсчет идет…

Ричардс с горечью отметил, что посыльный воспринял его слова буквально: при выборе книг руководствовался лишь их толщиной. Он принес три, о которых Ричардс никогда не слышал: две тисненные золотом, из далекого прошлого, «Бог родом из Англии» и «Совсем не чужой», и один громадный том, написанный три года назад, под названием «Служить – счастье». Ричардс сунулся в одну и тут же скривился. Юноша из бедной семьи делает карьеру в «Дженерал атомикс». Из чернорабочего становится продавцом оборудования. Учится по вечерам (на что, усмехнулся Ричардс, неужели платит компания?). Влюбляется в красивую девушку (вероятно, у нее еще не провалился нос от сифилиса), с которой знакомится на оргии. Занимает должность младшего техника с открывающимися перед ним захватывающими перспективами. Следует заключение трехлетнего брачного контракта, потом…

Ричардс с отвращением отбросил книгу. А вот роман «Бог родом из Англии» увлек его. Он налил себе бурбон, добавил льда и углубился в повествование.

К тому времени как в дверь постучали, он одолел триста страниц и как следует нализался: уже уговорил одну бутылку бурбона. Подошел к двери, сжимая в руке вторую. На пороге стоял коп.

– Ваши расписки, мистер Ричардс, – и закрыл дверь.

Шейла ничего не написала, зато послала одну из фотографий Кэти. Ричардс взглянул на нее и почувствовал, как на глазах выступают пьяные слезы. Сунул фотографию в карман, посмотрел на вторую расписку. Чарли Грейди воспользовался транспортным талончиком.

«Спасибо, слизняк. Чтоб ты сдох.

Чарли Грейди».

Ричардс хихикнул и бросил бумажку на ковер.

– Спасибо, Чарли, – бросил он пустой комнате. – Именно этого мне и не хватало.

Он достал фотографию Кэти, крошечной, четырех дней от роду, раскрасневшейся, орущей во все горло, укутанной в белое одеяло, которое Шейла сшила своими руками. Почувствовал, как по щекам текут слезы, и заставил себя подумать о благодарственной записке старины Чарли. Задался вопросом, а сможет ли он разделаться со второй бутылкой, прежде чем отключится. Решил провести эксперимент.

Почти разделался.

…Минус 083, отсчет идет…

Ричардс провел субботу, борясь с сильнейшим похмельем. К вечеру почти одолел его и к ужину снова заказал две бутылки бурбона. Справился с обеими и, проснувшись в воскресенье утром, увидел больших гусениц с огромными, полными злобы глазами, медленно сползающих на пол с дальней стены спальни. Тут он понял, что белая горячка во вторник ему ничем не поможет, и завязал со спиртным.

На этот раз похмелье не отпускало Ричардса дольше. Его все время рвало, позывы продолжались, даже когда желудок окончательно опустел. Только в шесть часов организм немного успокоился, и Ричардс заказал суп. И никакого бурбона. Попросил включить музыку, неорок, но она быстро ему надоела.

Лег он рано. Спал плохо.

Большую часть понедельника Ричардс провел на застекленной лоджии, примыкающей к спальне. Находилась она высоко над землей, днем то светило солнце, то шел дождь. Он прочитал два романа, опять лег рано, спал лучше. Зато приснился кошмар: Шейла умерла, и он пришел на ее похороны. Кто-то посадил ее в гробу и набил рот новобаксами. Он пытался подбежать к ней и вытащить деньги, но чьи-то руки схватили его. Двенадцать копов не давали и шагу ступить. Одного он узнал – Чарли Грейди. Улыбаясь, Грейди процедил: «Так случается со всеми, кто проигрывает, слизняк». Они приставляли пистолеты к его голове, когда он проснулся.

– Вторник, – напомнил он себе и скатился с кровати. Посмотрел на настенные часы. Девять минут восьмого. Через одиннадцать часов на всех фри-ви Северной Америки появится заставка «Бегущего человека». Живот скрутило страхом. Через двадцать три часа они возьмут его след.

Он долго стоял под горячим душем, потом надел комбинезон, заказал на завтрак яичницу с ветчиной. Попросил посыльного принести блок «Блэмс».

Остаток утра и первую половину дня спокойно читал. Ровно в два часа в дверь постучали. В гостиную вошли пузатенький Артур М. Бурнс и трое полицейских с электрошоковыми дубинками в руках.

– Пришло время последнего инструктажа, мистер Ричардс, – объяснил Бурнс причину своего появления. – Вас не затруднит…

– Отнюдь. – Ричардс взглянул на страницу, на которой остановился, положил книгу на кофейный столик. Внезапно его охватил ужас, граничащий с паникой. К счастью, пальцы практически не дрожали.

…Минус 082, отсчет идет…

Десятый этаж разительно отличался от тех, что находились ниже, и Ричардс понял, что выше ему уже не подняться. Иллюзия непрерывного подъема, формировавшаяся у ступившего в мрачный вестибюль Нетворк-геймс-билдинг, рассеивалась на десятом этаже. Здесь располагались студии.

Ричардса встретил широкий коридор с белыми стенами. Ярко-желтые кары с электрическими двигателями «Джи-Эй» сновали взад-вперед, развозя специалистов по студиям и пультовым.

Такой же кар дожидался их у лифта. Бурнс, Ричардс и трое копов сели на него и покатили по коридору. Им вслед поворачивались головы. Несколько раз на Ричардса указывали рукой. Одна женщина в желтых шортах и топике с эмблемой Игр подмигнула Ричардсу и послала ему воздушный поцелуй. Он показал ей средний палец.

Они все ехали и ехали, один коридор сменялся другим. Ричардс насчитал не менее дюжины студий, среди них – печально известной программы «Денежное колесо».

Наконец они остановились перед дверью с надписью: *БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК. ВХОД КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩЕН.*

Бурнс помахал рукой охраннику, сидящему в пуленепробиваемой стеклянной будке с дверью-воротами, потом повернулся к Ричардсу:

– Бросьте карточку-удостоверение в щель между будкой и дверью.

Ричардс бросил, и в будке зажглась маленькая лампочка. Охранник нажал на кнопку, дверь открылась. Ричардс залез на кар, они въехали в студию.

– А мое удостоверение? – спросил Ричардс.

– Больше оно вам не понадобится.

Попали они в пультовую. Непосредственно за пультом управления сидел лысый техник и бубнил в микрофон цифры. Слева за столиком расположились Дэн Киллиян и двое мужчин, которых Ричардс раньше не видел. Перед ними стояли высокие запотевшие стаканы. Лицо одного показалось Ричардсу знакомым. Не мог такой красавчик быть простым техником.

– Привет, мистер Ричардс. Привет, Артур. Не хотите выпить чего-нибудь прохладительного, мистер Ричардс?

Тут Ричардс понял, что пить ему хочется: жарковато на десятом этаже, хотя кондиционеров хватало.

– От «рути-тут» не откажусь.

Киллиян поднялся, прошел к холодильнику, сдернул крышку с пластиковой бутылки. Ричардс сел, взял бутылку, кивком поблагодарил Киллияна.

– Мистер Ричардс, господин, сидящий справа от меня, – Фред Виктор, режиссер программы «Бегущий человек». А Бобби Томпсона вы, несомненно, знаете.

Томпсон, ну конечно. Ведущий программы. Модного покроя зеленая, слегка переливающаяся туника, грива отливающих серебром волос. Ричардс подумал, что природе такая роскошная седина не под силу.

– Подкрашиваетесь? – спросил Ричардс.

Брови Томпсона изогнулись.

– Простите?

– Не важно.

– Будем снисходительны к мистеру Ричардсу, – с улыбкой вмешался Киллиян. – Очень ему нравится грубить.

– Это понятно. – Томпсон закурил. Ричардсу вдруг почудилось, что все это происходит во сне, не наяву. – Учитывая обстоятельства.

– Пройдемте со мной, мистер Ричардс, если вас это не затруднит. – Виктор взял инициативу на себя. Подвел Ричардса к экранам у одной из стен. Техник закончил диктовать цифры и вышел.

Виктор нажал две кнопки, и на двух экранах появилась сцена студийного зала программы «Бегущий человек». На одном – вид справа, на другом – слева.

– Репетиций мы не устраиваем. Считаем, что они лишают программу естественности. Бобби действует сообразно с ситуацией и весьма в этом преуспел. В эфир мы выходим в шесть вечера, по времени Хардинга. Бобби стоит посередине сцены, на синем возвышении. За ним вступительное слово, он кратко охарактеризует вас. Потом на экране высветят пару фотографий. Вы будете стоять за кулисами, справа от сцены, с двумя охранниками по бокам. На сцену они выйдут вместе с вами, вооруженные автоматами. Если б мы действительно ждали от вас сюрпризов, то дали бы им дубинки. Автоматы же, сами понимаете, смотрятся эффектнее.

– Нет вопросов, – кивнул Ричардс.

– Зрители принимают активное участие в шоу. Мы приглашаем их для зрелищности. Как на матчи по киллболу.

– Они будут стрелять в меня липовыми пулями? Вы можете засунуть мне под одежду мешочки с красной краской, чтобы они рванули в нужный момент. Для усиления эффекта.

– Пожалуйста, слушайте внимательно, – невозмутимо продолжил Виктор. – Вы и охрана выйдете на сцену, как только вас позовут. Бобби возьмет у вас интервью. Чувствуйте себя совершенно свободно. Говорите что угодно, в выражениях можете не стесняться. Зрелищность шоу от этого только выигрывает. Потом, примерно в шесть десять, перед первой рекламной паузой, вы получите деньги и уйдете за левую кулису. Это понятно?

– Да. А как насчет Лафлина?

Виктор нахмурился, закурил.

– Он идет после вас, в четверть седьмого. Мы задействуем двух игроков одновременно, потому что зачастую одному из них… э… не удается уйти от Охотников.

– А третий – запасной?

– Мистер Джански? Да. Но вас это не касается, мистер Ричардс. Когда вы уйдете со сцены, вам вручат видеокамеру размером с мыльницу. Весит она шесть фунтов. А вместе с ней вы получите шестьдесят видеокассет, каждая длиной в четыре дюйма. Все это уместится в кармане пальто. Триумф современной технологии.

– Превосходно.

Виктор поджал губы.

– Как уже говорил вам Дэн, Ричардс, игрок вы только для зрителей. А на деле вы – наш сотрудник и должны это правильно понимать. Видеокассеты достаточно бросить в любой почтовый ящик. Курьер незамедлительно доставит их нам, чтобы мы успели их смонтировать и показать тем же вечером. Если не сумеете отправлять нам две видеокассеты в день, денег вы не получите.

– Но за мной по-прежнему будут охотиться.

– Верно. Так что не забывайте про отправку видеокассет. Они не выдадут вашего местонахождения. Охотники действуют совершенно независимо от службы трансляции.

Ричардс в этом сильно сомневался, но промолчал.

– После того как вам выдадут видеокамеру и кассеты, вас проводят к лифту. Вы выйдете на Валовую улицу. Далее все будет зависеть только от вас. – Он помолчал. – Есть вопросы?

– Нет.

– Тогда мистер Киллиян утрясет с вами еще один денежный вопрос.

Они вернулись к столу, где Дэн Киллиян о чем-то оживленно беседовал с Артуром М. Бурнсом. Ричардс попросил еще одну бутылку «рути-тут» и получил ее.

– Мистер Ричардс. – На мгновение блеснули белые зубы Киллияна. – Как вы поняли, студию вы покинете безоружным. Но это не значит, что вам запрещено вооружиться как легальным путем, так и любым другим. Отнюдь! Вы или ваши наследники получите дополнительно сто новодолларов за каждого Охотника или представителя закона, с которыми сумеете… разделаться…

– Я знаю, можете не продолжать, – оборвал его Ричардс. – Так эффектнее.

Киллиян радостно улыбнулся:

– Вы все схватываете на лету. Да. Однако не пытайтесь отправить в мир иной невинных прохожих. Это негуманно.

Ричардс промолчал.

– Еще одна особенность нашей программы…

– Стукачи и операторы-любители. Я знаю.

– Они не стукачи, а добропорядочные граждане Северной Америки. – Ричардс не мог понять, то ли Киллиян говорит серьезно, то ли иронизирует. – И потом, всем известен номер телефона, по которому бесплатно может позвонить каждый, кто заметит вас. Если свидетели подтвердят, что кто-то вас видит, этот человек получит сто новодолларов. Если же сообщение позволит Охотникам убить вас – тысячу. Операторам-любителям мы платим по десять долларов за каждый фут пленки…

– Вы зарабатываете пенсион на Ямайке кровавыми деньгами, – со злостью выкрикнул Ричардс. – Вы…

– Достаточно, – мягко, но решительно осадил его Киллиян.

Бобби Томпсон полировал ногти. Виктор уже вышел из пультовой и где-то далеко требовал переставить камеру.

Киллиян нажал на кнопку.

– Мисс Джонс? Клиент готов, дорогая. – Он встал, протянул руку. – Теперь вам в гримерную, мистер Ричардс. Потом светопробы. Ваша комната – за кулисами, и увидимся мы теперь только у лифта. Так что…

– Вот и отлично. – Руки Киллияну он не пожал.

Мисс Джонс увела его. Часы показывали половину третьего.

…Минус 081, отсчет идет…

Ричардс стоял за кулисами, между двумя охранниками, и слушал, как публика неистово аплодирует Бобби Томпсону. Он нервничал. Клял себя за это, но нервничал. Не удавалось ему взять себя в руки, и все. Программа «Бегущий человек» уже минута как вышла в эфир.

– Первый участник нашей сегодняшней игры – изобретательный и решительный парень, который живет в нашем же городе, к югу от Канала, – говорил Томпсон. На экране высветилась фотография Ричардса в мешковатой серой рубашке, сделанная скрытой камерой несколько дней тому назад, как ему показалось, на пятом этаже. Ричардс отметил, что фотографию немного отретушировали: глаза западали чуть больше, чем в реальности, лоб стал ниже, щеки ввалились, рот хищно щерился. Короче, экранный Ричардс вызывал ужас, превратившись в городского ангела смерти, жестокого, не слишком умного, но наделенного звериной хитростью. Настоящее пугало для жителей богатых кварталов.

– Зовут его Бенджамин Ричардс, ему двадцать восемь лет. Запомните это лицо! Через полчаса этот человек выйдет на улицы города. Подтвержденное свидетельство о его местонахождении принесет вам сто новодолларов! Информация, которая позволит его убить, – тысячу!

Голова Ричардса шла кругом. Он едва сдерживался, чтобы не завыть от ужаса.

– …а это женщина, которая получит награду Бенджамина Ричардса после его смерти, если это произойдет.

Портрет не многим напоминал Шейлу. Тут уж потрудился не ретушер, а художник. Нежное, пусть и некрасивое лицо разительно изменилось. Шейла превратилась в настоящую гарпию. Полные кроваво-красные губы, глаза навыкате сверкали алчностью. Двойной подбородок свисал чуть ли не до обнаженной груди.

– *Мерзавец!* – ахнул Ричардс. Рванулся вперед, но сильные руки удержали его.

– Остынь, приятель. Это всего лишь картинка.

А мгновением позже его то ли вывели, то ли вытащили на сцену.

Зрители отреагировали мгновенно. Студия взорвалась криками: «Ату его! Подонок! Гнать его вон! Убить его! Убить! Вон отсюда! Вон!»

Бобби Томпсон поднял руки, требуя тишины:

– Давайте послушаем, что он скажет.

Публика не сразу, но угомонилась.

Ричардс, набычившись, стоял под яркими лучами юпитеров. Он знал, что излучает ауру ненависти и злобы, как и хотелось организаторам шоу, но ничего не мог с собой поделать.

Он сверлил Томпсона взглядом налитых кровью глаз.

– Кое-кому придется сожрать собственные яйца за такую фотографию моей жены.

– Говорите, говорите, мистер Ричардс! – Голос Томпсона сочился презрением. – Вам за это ничего не будет… по крайней мере пока.

Зрители ответили неистовым ревом.

Ричардс резко развернулся к ним, и они замолчали, как от хорошей оплеухи. Испуг в глазах женщин смешивался с сексуальным возбуждением. Мужчины не пытались скрыть ненависти к нему.

– Мерзавцы! – проорал он. – Если вам так хочется посмотреть, как кто-то умирает в мучениях, почему не перестреляете друг друга?

Последние слова Ричардса потонули в новом шквале криков. Некоторые зрители (возможно, им за это заплатили) попытались прорваться на сцену. Копы сдерживали их. Ричардс стоял к ним лицом, отдавая себе отчет, каким они его видят.

– Позвольте поблагодарить вас, мистер Ричардс, за мудрый совет. – Толпа внимала сарказму, звучавшему в голосе Томпсона. – Не желаете сказать нашим зрителям как в студии, так и у экранов фри-ви, сколь долго вы рассчитываете продержаться?

– Я хочу сказать всем, и в студии, и у экранов фри-ви, что они видели не мою жену! Это дешевая подделка…

Толпа заглушила его. Крики ненависти достигли пика. Томпсон подождал с минуту, пока зрители чуть утихнут, потом повторил вопрос:

– Так сколь долго вы намерены продержаться, *мистер* Ричардс?

– Я намерен продержаться все тридцать дней, – холодно ответил Ричардс. – И не думаю, что у вас есть человек, который сможет до меня добраться.

Опять крики. Взметнувшиеся кулаки. Кто-то бросил на сцену помидор.

Бобби Томпсон повернулся лицом к залу, закричал:

– Оставим браваду на совести мистера Ричардса. С этими словами и отпустим его. Охота начнется завтра в полдень. *Запомните его лицо!* Он может оказаться рядом с вами в пневмоавтобусе… в самолете… в стереотеатре… на местном стадионе, где играют в киллбол. Сегодня он в Хардинге. Завтра в Нью-Йорке? Бойсе? Альбукерке? Колумбусе? Во дворе вашего дома? *Вы донесете на него?*

– *ДА-А-А-А!!!* – проревели они.

И тут Ричардс показал им средний палец, два пальца – на обеих руках. На этот раз на сцену попытались прорваться не за деньги. Ричардса увели, прежде чем толпа разорвала бы его в студии, прямо перед камерой, лишив Сеть череды захватывающих репортажей.

..Минус 080, отсчет идет…

Киллиян ждал его за кулисами, сияя от удовольствия.

– Блестящее выступление, мистер Ричардс. Блестящее! Господи, какая жалость, что я не могу дать вам премию. Эти пальцы… бесподобно!

– Всегда рады ублажить зрителя. – На мониторах уже пошла реклама. – Давайте мне вашу чертову камеру и валите на хер.

– С последним, боюсь, не получится, – Киллиян все улыбался, – а камера – вот она. – Он взял камеру у техника, передал Ричардсу. – Полностью снаряженная, готовая к работе. А это кассеты. – Он отдал Ричардсу небольшую, но на удивление тяжелую коробочку, завернутую в клеенку.

Ричардс сунул камеру в один карман, кассеты – в другой.

– Годится. Где лифт?

– Не так быстро, – остановил его Киллиян. – Ваша двенадцатичасовая фора отсчитывается с половины седьмого.

С экранов вновь донеслись крики ярости. Обернувшись, Ричардс увидел вышедшего на сцену Лафлина. У него защемило сердце.

– Вы мне нравитесь, Ричардс, и, думаю, выступите вы неплохо, – продолжил Киллиян. – Есть в вас грубоватый шарм, который я очень ценю. Я – коллекционер, знаете ли. Сфера моих интересов – пещерное искусство и Древний Египет. Вы в большей степени соответствуете наскальной живописи, чем египетским урнам, но это не важно. Хотелось бы сохранить вас, для коллекции, так же как сохраняются мои наскальные рисунки из Азии.

– Можешь сохранить запись моей проверки на детекторе лжи, гад. Благо она есть в досье.

– Вот я и хочу дать вам совет. – Киллиян словно и не слышал его. – У вас нет ни единого шанса. Никому не устоять против населения всей страны и Охотников, отлично натренированных, активно использующих последние достижения научно-технического прогресса. Но если залечь на дно, вы протянете дольше. Используйте ноги, а не оружие, которое вам удастся раздобыть. И держитесь своих. – Он ткнул пальцем в грудь Ричардса, дабы подчеркнуть значение последних слов. – Не рассчитывайте на средний класс, представителей которого вы видели в студии. Они вас ненавидят. Вы символизируете для них все страхи нашего трудного времени. Не думайте, Ричардс, что реакция публики щедро оплачена. *Они действительно вас ненавидят.* За смелость, мужество. Вы это почувствовали?

– Да, – кивнул Ричардс. – Почувствовал. Я их тоже ненавижу.

Киллиян улыбнулся.

– Потому-то им и хочется вас убить. – Он сжал плечо Ричардса. Рука у него оказалась на удивление сильной. – Сюда.

А за их спинами Бобби Томпсон, к радости зрителей, обливал грязью Лафлина.

По коридору они прошли вдвоем, сопровождаемые лишь гулким эхом шагов. В конце их ждали сдвинутые двери кабины лифта.

– Здесь мы расстанемся, – молвил Киллиян. – На улицу попадете без остановки. За девять секунд.

В четвертый раз он протянул руку, и опять Ричардс ее не пожал. Хотя на какое-то мгновение такое желание у него возникло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.